ЗАПАДНЫЙ ФОРПОСТ

№ 24

Свободная газета свободных поэтов

май 2018

Андреаполь - Пено - Торопец Нелидово - Белый

Память поколений, воплощённая в реальность

В конце апреля в Нелидове произошло знаменательное событие. В актовом зале четвёртой школы состоялась презентация книги «Школа № 1 города Нелидово. История в датах и лицах». Первая школа в Нелидове – начало всех начал. Именно она, выражаясь высоким слогом, была колыбелью для поколений районной интеллигенции, ведь это её выпускники, становились специалистами различных областей науки, искусства. А педагогический коллектив первой школы на протяжении десятилетий являл собой удивительный пример настоящего профессионализма и подвижничества.

Книгу эту задумал и занялся сбором материала И. Ф. Цветков, один из директоров школы, возглавлявший её двадцать пять лет. Выпуск же осуществила команда энтузиастов под предводительством С. В. Погодина, директора школы № 4, с которой легендарную первую соединили по экономическим соображениям, юридически узаконив её исчезновение.

Презентация собрала многих выпускников и педагогов школы. Она стала своеобразным вечером памяти, поскольку выступавшим было о чём рассказать. Вспоминали одноклассников, учителей. Говорили искренне, от души, ведь первая школа славилась на весь город своим особым микроклиматом, в котором было комфортно как детям, так и взрослым. Здесь был особый мир, основы которого были заложены в далёком 1919 году, когда в посёлке Нелидово была открыта школа второй ступени (средняя). О становлении и развитии системы образования в Нелидове, а оно неразрывно связано именно с первой школой, рассказывает глава «Начало». Особое место в книге занимает и глава «Школа в годы войны».

Есть и рассказы о педагогах, и о выпускниках. Многолетняя история этого образовательного учреждения позволяет о многом поведать нынешнему и последующим поколениям.

... Сорок четыре года отделяют меня и моих одноклассников от того момента, когда нам вручили аттестаты о среднем образовании, или, как принято говорить, путёвки в жизнь. Но как свежи воспоминания, связанные с той незабываемой школьной порой! Исчезли из карты памяти более значимые жизненные события, а всё, что связано с той порой, по-прежнему живо и будоражит душу. А презентация книги, которую так великолепно подготовили и провели педагоги четвёртой школы, позволила вернуться в мир детства и юности всем, кто пришёл на это мероприятие. Выступавшие честно пытались вместить свои рвущиеся наружу эмоции в условно регламентированные несколько минут, однако, задача была непосильной. Виртуальная встреча с любимой школой значительно превысила лимит времени, но никто не роптал. Мы все вернулись в светлое прошлое. Далёкое и дорогое. Думаю, выражу общее мнение, что мероприятие удалось.

Светлана Большенкова,
Нелидово

Из школьной жизни

«Всех не перевешаешь!»

Деревянное школьное здание на улице Пионерской с точки зрения архитектурных норм было довольно примитивным, даженеказистым. Но мир, созданный в нем стараниями учителей и учеников, был настолько ярок и интересен, что мы не замечали недостатков.

У каждого из нас с тем миром своя связь, свои иллюстрации к нему. Об одной из них мне не так давно напомнил Сергей Лемешев, учившийся в нашей школе несколькими годами позже меня.

– Помнишь, как тебя на сцене чуть экраном не прибило?

Спрашивает и улыбается во весь рот. Ещё бы не помнить. Я – партизанка-подпольщица, схваченная фашистами, Юра Рыжиков – гитлеровский офицер, ведущий допрос. Чтобы выбить из меня показания, Юрка-фашист стегал меня плёткой с несколькими хвостами. Плётку, правда, придерживал незаметно, чтоб мне не больно было. Мы играли эту патриотическую сценку два раза: в первой и во второй сменах. Я в лохмотьях и с синяком под глазом, грим так искусно наложила Любовь Борисовна Лепестихина, что после первой смены мне было жаль его стирать и я так и отправилась домой в Шарапкино.

Играем второй «спектакль». Вражеский офицер делает натурально зверское лицо и грозит меня повесить. Я в патриотическом запале из последних партизанских сил кричу: «Всех не перевешаешь!», он с размаху опоясывает меня плёткой… Вот гад! То ли увлёкся, то ли рука сорвалась, но стебанул так, что в глазах темно стало. В этот момент висевший над сценой огромный экран, скрученный в металлическом тубусе, ни с того ни с сего срывается с крепления и одним концом падает на то место, где я секундой раньше стояла. Видимо, я на Юрку так разозлилась, что все чувства сконцентрировались до предела, местоположение поменяла одним прыжком.

Из городу мы

Наша классная руководительница Валентина Ефремовна Голикова была замечательным человеком и педагогом. Но слаба здоровьем. По этой причине в Москву на зимних каникулах на экскурсию с нами поехать бы не смогла. А нам очень хотелось – последний выпускной год, а дальше разлетимся…

Взялись уговаривать Тамару Николаевну Иванову, нашу «иностранку». Та согласилась. Об этой поездке Тамара Николаевна до сих пор вспоминает с дрожью в голосе. Всего не перескажешь, что с нами было. Об одной детали стоит поведать. Поселили нас в гостинице Центрального Дома Советской Армии. Почти в центре Москвы. Питались в ресторане при гостинице. Утро после первого дня пребывания в столице. Ресторан. Публика за столиками солидная. Подавляющее большинство офицеры с «большими» звёздами на погонах.

Наши номера были на разных этажах, поэтому спустились к завтраку не одновременно. Запаздывали Юрка Карпов, Сашка Бойцов, кажется Сашка Курдов. Наконец появляются. Улыбки в пол-лица. Довольные и счастливые. Тамара Николаевна, сидящая за соседним с нами столиком, бледнеет и едва не падает в обморок. Эта троица вышагивает через весь ресторан к своим местам… в шерстяных носках.

За нашим столиком свободное место. Кроме меня, здесь ещё двое военных в форме. «Только не к нам, только не к нам…», – я аж зашлась от переживаний. Фигушки. Не пронесло. Бойцов именно к нам и приземлился. Один из военных вежливо спрашивает: «Ребята, вы откуда?» «Да, мы из деревни», – отвечаю. И тут возмущённый Саня выдаёт: «Врёть она, врёть. Из городу мы!» Дальше я ничего не помню.

Где горит, что горит?..

Эта история случилась, когда я уже работала в своей школе лаборанткой.

Май. Жара. В это время уроки превращаются в пытку и для учеников, и для учителей. Из открытого окна на втором этаже торчит Сашка Каравашкин. Он развлекается тем, что увеличительным стеклом направляет солнечный луч в птичье гнездо, прилепившееся между первым и вторым этажами.

Светлана Большенкова
г. Нелидово

Эксперимент заканчивается тем, что гнездо вспыхивает и огонь перекидывается на деревянную обшивку стены. Кто это заметил первым, кто вызвал директора Ивана Филипповича, теперь не помню. Но очень быстро учеников начали выводить из здания.

Суматохи нет. Выходят все дружно, а главное, организованно. Навстречу классу, который выводит учительница, по коридору второго этажа идёт математичка Нина Петровна Новикова. У неё протез ноги, поэтому быстро идти не может. Погружённая в себя, на ходу рассуждает вслух: «Ну, вот говорят пожар. А где горит? Что горит? Непонятно». В это время физрук Валерий Валентинович Арнаутов, высунувшись из окна, пытается ликвидировать очаг возгорания. Из другого окна его действиями руководит Иван Филиппович, тоже наполовину высунувшись наружу. Одно неверное движение рук – и пена из огнетушителя окатывает и директора школы.

Когда всё закончится, в учительской будет долго стоять нервный хохот. Где горит? Что горит?..

…Тогда всё завершилось благополучно. Но моя родная первая умерла дважды. Первый раз, когда разобрали старое здание, а второй, когда она прекратила своё юридическое существование. Живой осталась память. А теперь вот ещё и книгу подарили.

Виктория ЦЕЛУЙКО,
г. Андреаполь

Окончила Бологовский железнодорожный техникум, по специальности – дежурный по станции. Стихи пишет с детства, но не публиковалась прежде. Это её дебют.

* * *

Свободной хочу быть птицей,
В полете расправить крылья
Ис синевою слиться,
Где воздуха изобилье.
Пить буду с трав росинки.
Построив гнездо из веток,
Ловить тополей пушинки,
Растить желторотых деток.
Век птичий недолог, ясно:
Какие у птицы годы.
Зато буду петь о прекрасном
И вволю напьюсь свободы.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ СЫНУ

Спи, сомкни скорее глазки,
Расскажу тебе я сказку,
Как живут у нас на крыше
Аист, Заяц, Кот и Мыши.
Мыши песенки поют,
Ночью спать нам не дают.
Кот по крыше ночью бродит,
Но мышей он не находит.
А еще живет там Зайчик,
Крошка он, как ты, мой мальчик.
Мы его возьмем в постель,
Пусть он спит с тобой теперь.
И еще у нас над крышей,
Где луна, а может, выше
Белый аист проживает,
Он во сне к нам прилетает.
Закрывай скорее глазки
И смотри ночную сказку.

* * *

Если любовь – это боль,
Надо ли боль лечить?
Кинь в мои раны соль,
Чтоб эту боль продлить.

Если любовь – это ночь,
Надо ли тьму побеждать?
Знай, что есть сердце одно,
Что будет верить и ждать.

Если любовь – это сны
Долгих холодных ночей,
Сможем дождаться весны?
Сердце надеждой согрей.

Если любовь – это миг,
Счастье – короткая нить?
Образ любви многолик.
Сможем её сохранить?

ОБМАНИ

Обмани меня, скажи, что любишь,
Что по мне одной в ночи скучаешь.
Ты мой разум, мою душу губишь,
Хоть и сам ты этого не знаешь.

Обмани меня, скажи, что веришь,
Что в разлуке ты себя терзаешь
И надежду нежную лелеешь,
И скорее встретиться мечтаешь.

Обмани меня, скажи, что ждешь.
Я поверю даже в эту ложь.

ПРОСТО ВРЕМЯ ВСЕ СКАЗАТЬ ПРИШЛО

На дворе весна, растаяли сугробы,
Солнце льет тепло в мое окно.
Наша жизнь не так уж и убога,
Просто время все сказать пришло.
Вновь весна, а значит - время жизни,
Чтоб любить и жить, даря тепло.
Только вот у нас с тобой не вышло,
Только нам с тобой не повезло.
Кто-то долго ищет и находит,
Кто зовет, тот слышит зов в ответ.
Лишь от нас двоих любовь уходит,
Не для нас луна льет дивный свет.

* * *

Утром раненая птица
Прокричала в небесах,
Стала в дом крылами биться,
Боль была в её глазах.

Буря злилась и металась,
Птицу холодом терзала.
У меня вдруг сердце сжалось,
Птицу ту я в дом позвала.

Долго, озираясь косо,
Птица к ласке привыкала.
Приручить нашла я способ
И хорошим другом стала.

О судьбе своей несладкой
Пела птица в день осенний
Даже корм брала с оглядкой,
Знали обе – день последний.

Ну и воля в небе чистом!
Я ладони вдруг разжала
И комок тепла пушистый
Не смогла, не удержала.

Где сейчас кружишься, птица?
Посмотри с тоскою вниз:
Темной ночью мне не спится,
Я зову тебя: «Вернись».

ЛУНЕ

Холодной ночью мне в окошко светишь,
Настырным взглядом липнешь, как молва,
Следишь за мной, как будто ты в ответе
За все мои поступки и слова.
Печаль моя, одной тебе известна,
Но я люблю с тобою говорить.
И днём не нахожу себе я места,
И ночи жду, чтоб нудный день забыть.
Ты так ясна и холодна, и молчалива,
Но обо мне ты знаешь все без лишних слов.
В полночный час, холодный час, дождливый
Твой свет меня с ума свести готов.
Ты расскажи мне о моей вине,
И спой о счастье мне в ночной прохладе.
О, как прекрасна ты в моем окне,
Холодный свет мне нежно кожу гладит.
Скажи, что за вина в моем роду?
Я попрошу тебя безмолвие нарушить.
Глаза закрою, Млечный путь пройду,
Чтоб до зари твой нежный голос слушать.

Пограничье

Уже от лета подустали травы,
уже прохлады больше, чем тепла,
и в камышовой шерстяной оправе
дымится чернь озёрного стекла.
С плащей берёз слетающие искры
вдруг подожгли соседский
бересклет;
их шумный строй за вольнодумство
мыслей
приговорён к срыванью эполет.
И бравый жёлудь, глянцево-
зелёный,
лежит, упав практически с небес,
своим законным правом
наделённый –
не знать свиньи, что завтра его
съест.
И дым горчит почище самосада,
то жгут ботву пока, но не листву,
и можно слышать, встав под своды
сада,
плодов библейских полновесный
стук.
И дуре-смерти не попав под траки,
вольно в чертоги осени вступать,
стогов пузатых межевые знаки
увидеть, подойти и миновать.
И только-то всего, что остаётся –
под верстовым столбом сгрузить
весь хлам
и, подмигнув негреющему солнцу,
шагать жнивьём к белёсым
небесам...

Мартовский сонет

Под крыши козырьком, слегка
дрожа
от натиска весеннего распутства,
висеть и чувствовать, что под тобою
– пусто,
а в горле – холод льдистого ножа.

Прозрачной каплей зимнего стекла
всю жаркость поднебесного светила
дробить и преломлять, но быть не
в силах
вобрать в себя хоть часть его тепла.

И в голубом сиянье высоты
сверкать, серебренеть,
переливаться
и всё-таки любить, и вдруг
сорваться,
отринув царство льдистой красоты.

И падать вниз, мечты храня огонь –
разбиться о горячую ладонь...

Супертяжёлый вес

(из книги «Мера добра»)

Владимир Юринов,
г. Андреаполь

После поступления в Медицинский оказался с Сырцовым в одной группе студент Котёлкин. Андрюша. По немедленно приклеившемуся к нему прозвищу «Маленький». Ростом был «маленький» Андрюша где-то под два метра, и веса было в нём без малого центнера полтора. Несмотря на габариты и устрашающий вид, оказался Андрюша человеком абсолютно незлобивым, скорее даже добрым и в течение всего первого семестра ничем (ну, кроме габаритов, конечно) среди своих сокурсников не выделялся. А зимой проходила в Питере (да и сейчас, наверняка, проходит) ежегодная региональная студенческая Универсиада. И дабы выставить необходимое количество участников и – главное – набрать максимальное количество зачётных очков, Андрюша был делегирован в институтскую команду по боксу, соответственно – в супертяжёлую категорию. И хотя был Котёлкин человеком совсем даже не спортивным и бокс до этого видел только по телевизору, но, как говорится: «Деканат сказал: надо! И студент ответил: есть!». Да и обещанный зачёт по физкультуре, надо полагать, сыграл здесь свою далеко не последнюю роль. Короче, вручили Андрюше боксёрские перчатки и сказали готовиться. Мандражировал он страшно. Больше, чем перед любым экзаменом. А потому тренировался, не щадя живота своего. В прямом смысле.

И вот настал день битвы. Бои супертяжей – по традиции – завершают соревнования по боксу, и Андрюша к вечеру совершенно извёлся. Прямо с лица спал. Наконец выкликнули и его. На дрожащих ногах взобрался он на ринг и стал ждать своего соперника. И тут выяснилось, что от других вузов в эту категорию не было выставлено никого: студенты, как правило, – народ худосочный. Не верящего в своё счастье Андрюшу объявили чемпионом, вручили ему медаль, диплом, букетик чахлых гвоздик и отпустили с миром. А на другой день фотография новоиспечённого чемпиона появилась в вестибюле института, а имя героя было озвучено в новостях институтского радиоцентра. Короче, обрушилась на Котёлкина всенародная слава. Хотя бы и в пределах родного вуза.

На втором и третьем курсе всё повторилось один в один. А на четвёртом Андрюша к Универсиаде готовиться и вовсе не стал. Так сказать, почил на лаврах. И, как оказалось, зря. После того как Котёлкин под гром оваций и долгое перечисление диктором его регалий (А был он к тому времени уже кандидатом в мастера спорта. А как же! За чемпионство – вынь да положь!), заранее победно вскинув руки, с достоинством вышел на ярко освещённый ринг, диктор, дав отшуметь наиболее ретивым болельщикам, вызвал и соперника Андрюши – скромного первокурсника и второразрядника из нерасслышанного никем института. Паренёк, хоть и явно уступал Котёлкину по титулам и габаритам, но был, не в пример чемпиону, хорошо накачан и явно понимал толк в боксе. И вот тут Андрюша, наверняка, понял смысл выражения, что за всё надо платить. Продержался он полраунда. Потом лёг. Sictransit – как говорится – gloriamundi...

МАЙСКАЯ НОВИЗНА

Зарисовки с проселка…

Плавится нагретый неожиданно жарким майским солнцем новый асфальт в наспех заделанных дорожных ямах. Крутит на перекрестках пыль вечно неугомонный ветер. В конце апреля он ломал деревья, валил заборы и поднимал в воздух покрытые поликарбонатом парники. Теперь нежно ласкает, словно извиняется за устроенный невзначай кавардак. Жарко в городе: стоят, открыв двери своих пыльных авто, таксисты, по-летнему уже одеты прохожие, и не отличить сразу, начало мая это или конец июня. Только строптив май – сегодня жарко, а завтра и снегом ненароком попотчует… Не слышно еще веселого писка прилетевших ласточек – не лето.

За городом своя жизнь, свой мир. Идешь вдоль вошедшей в берега, но еще мутной реки с удочкой, ищешь стайки шершавой, готовящейся к нересту плотвы, и вдруг как шибанет, как придавит запахом распустившейся черемухи, что растеряешься, удивишься. Осознаешь вдруг, как велика и могуча природная сила, требующая продолжения жизни рода. У березы листья с копейку – пошла плотва по рекам, к нересту готовиться. Ручейник вылетел и танцует роем возле мочажин. Присядешь в сгущающихся сумерках на полянке возле воды, прислушаешься, затихнешь и явственно услышишь шорох выползающих из норок майских жуков, а потом и робкий гул их первого в жизни полета. Десятками взлетают они в вечерние небеса,чтобы, отъевшись свежего березового листа, найти заветный дуб, где спарятся с прилетевшими туда такими же новоселами весенних небес. Подойдешь к такому дубу, а вокруг него уже не десятки, а сотни жуков низко гудят, вьются не спеша – хоть руками хватай.

На быстрине неутомимый жерех гоняет малька – только брызги летят. Трудно его поймать, особая сноровка нужна. Но если поймаешь крупного– и радость особая. Находишься за день, надышишься ароматным воздухом, выйдешь на чистою полянку у тихой заводинки, присядешь за кем-то сколоченный стол, накатит приятная истома и задремлешь вдруг. Только мимолетна эта майская новизна, эта весенняя свежесть. Потеплеет еще и вылетит назойливая мошкара, поднимется в рост трава, заколышется душное знойное марево – лето идет.

Иван Кирпичев,
Нелидово

На снимке: Жерех – рыба трудовая

* * *

Гаснут лампочки ночные
На небесном потолке,
Отраженья неземные
Тихо плещутся в реке.
Чистоглазой, яснолицей,
Будто в мире нет тревог,
Полудевой-полуптицей
Сядет утро на порог.
На порог речной бурливый, –
И польётся плавно речь
Чаровницы говорливой
Под рассвета переливы –
Потечёт неторопливый
Сказ о том, что не сберечь…

Игорь Столяров,
Нелидово

* * *

Необъяснимый внутренний уют.
В душе сегодня, словно в теплом доме.
Синички резво под окном снуют,
А с полки подмигнул веселый гномик.

И вроде не случилось ничего,
Обычный день, лишь небо синим ситцем.
Откуда легкая среди тревог
Удобно тишь в груди моей мостится?

Весенний морок? Призрачный обман?
Предчувствий и наитий светлых милость?
А может мне покой за то лишь дан,
Что я себя, заблудшую, простила.

Маргарита Петрова,
Андреаполь

* * *

Я Вас пока ещё люблю,
лелею пламя
И чувств соцветья тереблю,
взращённых Вами.

Я Вас люблю ещё пока,
и с этой пищи
я полон счастьем дурака –
нет счастья чище!

Я Вас люблю пока ещё
по всем приметам.
И, если буду я прощён,
то лишь за это.

Петр Бобунов,
Нелидово

содружество литераторов Верхневолжья

* * *

Под тонкой синью небосвода
Расплылся солнечный желток
И с прежней медленностью хода
Вершит очередной виток.
И день дрожит, и лёд сверкает,
Деревья чопорно молчат,
И мир от края и до края
Густым молчанием объят.
Соседний дом ухмылкой окон
В сто глаз смеётся надо мной,
И жжёт сквозь ткань солярный локон,
Висящий за моей спиной.

Валерий Ремизов,
Максатиха

Маме

Есть люди, у которых вместо сердца,
В груди ютится маленькое солнце.
От добрых глаз зимой легко согреться,
От тёплых слов в душе весна смеётся.

От них легко! И с ними бесконечно
Мы обсуждаем сложной жизни темы…
А солнце в них сияет безупречно:
Они в тени хранят свои проблемы.

Мы рады им, завидуя немного:
У них всегда все славно удаётся…
Но кто бы знал, как тяжела дорога
Того, чей крест – нести по жизни
солнце.

Марина Крутова,
Тверь

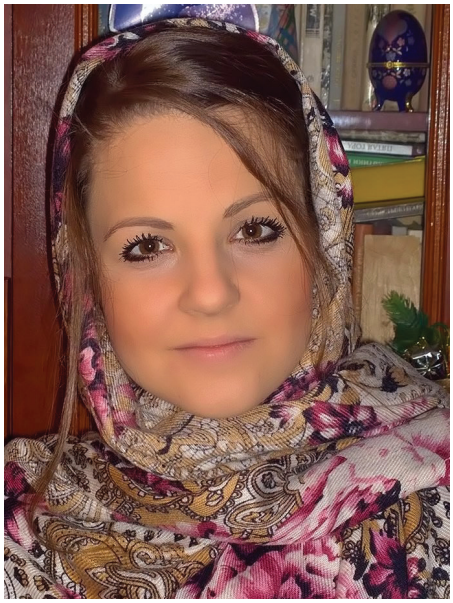
Меланхолия

в раскрытое окно яблоко смотрит
на краешке ветки повиснув
солнечный свет стекает
с его кожуры.

впитывает трава под окном
золотистую акварель августа.
и мою печаль

Екатерина Магнолия,
г.Тверь

НЕВИДИМАЯ НИТЬ



Алина Рязанова,
г. Андреаполь

Они встретились в начале весны. Именно тогда, когда на земле все обретало краски и возвращалось к жизни. Им необходимо было это дыхание обреченной любви.

Она уже немолода, как модно говорить – женщина бальзаковского возраста. С потрясающими зелеными, словно два изумруда, глазами и нестандартной красотой. Возраст, конечно, оставил свой отпечаток. Годы выдавал усталый взгляд человека, пережившего уже слишком много, но сохранившего жизнелюбие и желание быть счастливой.

Он на поколение моложе. Этот парень не мог в себя не влюбить. Его очарование – скромность и стеснительность. И странные глаза: две миндалины цвета темного шоколада, наполненные вселенской тоской и множественными вопросами к жизни.

Первая их встреча произошла так же, как первый весенний дождь. Она, как очищающий дождь, смывала с их душ всю грязь обид и разочарований. Словно магнитом их тянуло друг к другу. Каждая встреча – это новая страница в их жизни. Она, уже знающая, что такое боль и разочарование, и он, такой милый с отпечатком грусти на лице. Но когда он улыбался, с ним для нее улыбался весь мир.

Причин любить его еще сильнее было все более. Она одарила его всем своим теплом, заботой, опытом, пониманием. Он, словно волшебная шкатулка, все это складывал, чтобы никогда не растерять свои бесценное сокровища. Она готовила ему теплый, вкусный ужин. Всегда безумно красиво выглядела и никогда не вспоминала о муже, предавшем ее еще много лет назад.

Встреча за встречей, они растворялись друг в друге. Иногда вечерами они любили слушать одну песню. В том мотиве было все: и грусть, и тоска, и печаль, и безграничная благодарность небу за эти минуты. Она ушла от реальности и боялась мысли, что все оборвется. Страх этот обжигал.

Бог милостив к любящим, и все продолжалось, все как скорый поезд шло вперед. Их минуты вместе, как эта весна, становились все теплее и ярче. Он рос с ней духовно, а она, подобно цветку, раскрывалась в его руках. Им не было дела до разницы в возрасте, которая со стороны казалась пропастью. Это было простое человеческое счастье.

Он обязательно повзрослеет, обретет семью. Она всегда будет благодарна этому неземному юноше за все подаренные ей моменты. За то, как они гуляли под луной, и она словно окунулась в бездну своей юности, когда он на нее, всю такую озябшую, накинул свою куртку, когда говорил слова любви, глядя в ее глаза, в которых были слезы.

Она вернется к рутине бытовых дел и в молитвах будет просить здоровья этому чудному мальчику. Но между ними никогда не оборвется та невидимая нить, которая связывает души людей навсегда.

ЧАСЫ

Александр Горшенков

г. Яхрома

Родился 22 июня 1963 г. в Свердловске (Екатеринбурге). Работал на многих работах, в том числе плотником, монтировщиком сцены в театре. Служил солдатом в Афганистане. В 1991 г. окончил Литературный институт им.А.М. Горького. Автор нескольких поэтических сборников и прозаической книги, член Московской городской организации Союза писателей России.

Первые часы подарил мне дедушка Степан. Я уже перешёл в девятый класс, и мне исполнялось пятнадцать.

Тогда первые наручные часы являлись даже не событием, а ритуалом посвящения во взрослость. По крайней мере, для мужской части человечества. Поэтому слишком рано их обычно не дарили. А вот когда подросток превращался в юношу, и у него начинали пробиваться усы – в самый раз. У взрослого же человека должен быть на руке взрослый атрибут, на который следует иногда с солидным видом взглядывать. Этому соответствовала и цена – все наручные часы стоили тогда сравнительно дорого, потому что были механическими и надёжными, а обилия электронных штамповок на просторах Советского Союза ещё не имелось и в помине.

Так что до сих пор помню те дедушкины часы фирмы «Заря» с большим красноватым циферблатом и надёжным заводом: колёсико сбоку требовалось слегка выдвигать и потом катать в пальцах, ощущая его приятную упругость. Зато и шли они потом долго и надёжно – до следующего завода через несколько дней.

Прослужили они мне тоже долго, по крайней мере, по сравнению с последовавшими часами – три с небольшим года. С ними на руках пошёл и в армию, чего делать, конечно, не следовало, ведь в армии у солдата ценные вещи так или иначе надёжно не хранятся. Но и в этой потере, как понял сейчас, проявилась указующая символика: прежнее время, ещё полудетское, школьное, мечтательное – резко и неотвратимо закончилось.

Остальные же свои часы я с тех пор почти не запомнил. Они были теперь чуть дороже или чуть дешевле, механические, кварцевые и электронные, отечественные и зарубежные, на кожаных ремешках или металлических браслетах, но почему-то всегда очень быстро менялись. Терялись, разбивались, ломались, покупались уже с браком, порою их у меня зачем-то воровали, как в купальне в горячем источнике близ Байкала, между тем обычные часы представляли с каждым годом всё меньшую и меньшую ценность.

Сначала появилось обилие дешёвых электронных, потом уже время где только ни стало отображаться: и на переносных транзисторных приёмниках, и на пейджерах, и на мобильниках, и на планшетах. В ручных часах, в общем, как и в бумажных книгах, отпала насущная надобность. Только «элита» зачем-то соревнуется в ношении напоказ сверх дорогих часов за сотни, а то и за миллионы долларов – но это уже из области социальной психопатологии.

И время теперь как быстро меняющиеся подешевевшие часы, как очередь в «Макдональдс» несётся всё стремительней с каждым годом. Да и то сказать: слом громадного государства и миллионов судеб, новые войны и стремительная цифровая революция…

Только вот Настоящего Времени, мерцающего за прочным красноватым циферблатом – с чётким тиканьем весомых секунд и уверенностью в будущей большой интересной жизни – больше нет.

ВЛЮБИЛАСЬ БЫ

Вот скажут, что сейчас не до стихов,
не до любви и не до песен.
Не верьте. Испокон веков
Любовь и песня ходят вместе.
И хоть стою у жизни на краю,
Но верю, что живет на свете
радость.
Я вот сейчас возьму и запою.
Влюбилась бы, да подустала
малость.

Александра Устнова,
Нелидово

* * *

Шаль багряную заката
На себя, увы, примерить.
Из разбитого стакана
Пить нельзя – приметам верить.
Ну, а если взять и просто
Убежать за горизонт
И звездою из колодца
Свой украсить небосвод.
Всё речёное просеять
Через сито – решето
И скроить кафтан по мерке,
Что не меривал никто.

Елена Зернакова,
Нелидово

* * *

Молодыми закрылись колодцев
глаза, –
Нет древни,и некому плакать от
горя.
Только яблонь стареющие телеса,
Да бугры из останков жилого
подворья.
Не кричат поутру во дворах петухи,
Не идут на заутреню в церковь
старухи –
Церкви нет... Неотпущенные грехи,
Как начало большой деревенской
разрухи.

Елена Калашникова,
Нелидово

* * *

Тобой подаренную нежность-
попутчицу
Не разбазариваю попусту, берегу.
Как кроху хлеба, на всякий случай,
За душу спрятала и стерегу.
Чтоб не взорвалась сухим порохом
Моя нечаянная нежность-медь.
После тебя буду делить с ней
поровну
Всё, что в итоге буду иметь.

Елена Корлюкова,
Новозавидово

СВИДАНИЯ

НЕНАРОКОМ

Медведычу

Мы столкнемся в парке ненароком,
Как-то вдруг беседа поплывет
О годах, где не было пороков,
Лишь высокий светлый небосвод.

Сколько тем: ученики, студенты…
Не рисуйтесь, вижу – не простак.
О, да вы почти что из агентов?!
Час, второй – не разойтись никак.

Крошки-птички в красненьких беретах
Смолкнут враз, услышав, как тогда
Вы стреляли метко из «беретты»…
Ах, лишь из мелкашки? Не беда.

После комплиментов и сочувствий
На дорожках в ряд оставят след
Ваши саламандровские туфли,
Мой типично-рыночный штиблет.

Мы свиданий назначать не будем,
В парк случайно забредем опять
От унылых одиноких буден
Молодость ушедшую искать.

Маргарита Петрова,
Андреаполь

БОТИНОК ПРОМОК

Топит сумрачный март понемногу снега,
Намокают ботинки от талой воды.
На дороге река – не видны берега.
У меня на щеке от помады следы.
Ты ко мне прикоснулась губами слегка,
Может быть, опасаясь, что я убегу.
Поцелуй на прощанье и в спину: «Пока»,
И следы от ботинок на мокром снегу.
Может, свидимся позже но, кажется, нет.
Без любви нам встречаться совсем не с руки.
Осторожно нагнусь и взгляну тебе вслед,
Сделав вид, что у бот развязались шнурки.
Моет серые перья в снегу воробей –
В воробьиху влюбленный пушистый комок.
Я тебе пожелал возвратиться скорей,
Но уже не дождусь, ведь ботинок промок...

Иван Кирпичев,
Нелидово

* * *

Выйдешь на крылечко:
тени «шу да шу».
Тебе померещится – это я спешу.
Ахнешь, заторопишься,
мне навстречу бросишься…

Не вбегай в судьбу мою,
не сходи с крылечка.
Я еще подумаю,
стоит ли мерещиться.

Евгений Коган,
Москва
(1931–2014)

* * *

Ты окликни – и я отзовусь
Звонким эхом в росистых полях,
Ты окликни – и я окажусь
Поцелуем на тёплых губах.
Позови меня тихо– приду,
Отмету все обиды я прочь,
Ясным месяцем в стынь на пруду
Окажусь в сумасшедшую ночь.
Только имя моё прошепчи –
Я услышу, как лань прибегу,
И спасением буду в ночи,
И костром на чужом берегу.
Только имя припомни моё
И скажи, что любил много лет,
Одинокой звездою в окно
Просочусь, как малиновый свет.
На свиданье примчусь, прибегу,
Только мёдом запахнет сирень.
В одуванчиках там, на лугу,
Разомлеет счастливый наш день.

Наталья Шабанова,
Андреаполь

ПРИМЕТА

«Зеркала бьются… к несчастью!»
Народная примета

Всё во мне ликует и поёт:
Я иду на первое свиданье!
В горсаду меня мальчишка ждёт –
Не могу нарушить обещанье.

На себя украдкой посмотреть
В маленькое зеркальце решила…
Но пришлось об этом пожалеть –
Понапрасну я к нему спешила!

…Выскользнуло зеркальце из рук
И разбилось об асфальт на части…
Молнии стрелой пронзила вдруг
Мысль о том, что мне не будет счастья!

…В том саду, куда спешила я,
Только ветер кронами играл,
И была пустынною скамья,
Где мальчишка ждать пообещал.

Может быть, он просто позабыл
О свиданье нашем в гуще сада?
Или, может, просто пошутил, –
О любви слова его – неправда?!

Значит, верно: бьются зеркала
Не к добру, как говорит примета.
Не хочу примете верить этой,
Но, увы, она не солгала.

Лариса Иванова,
Торопец

БЫЛОЕ

Крови толчок – точно в висок,
Острой иголочкой – в сердце.
Ты прошагал наискосок,
Не взглядом ожёг–перцем!

Знаю я– стоял под окном,
Нервно дымя сигареткой.
Друга жарко просил о том,
Чтоб вызвал гордячку Светку.

Ах, двоечник шалый, Мишка,
Где ты бродишь, непутный, сейчас?
Читали мы разные книжки:
Ты – о жизни, а я – про Парнас.

Светлана Виноградова,
Нелидово

Печатный орган межрайонного творческого объединения «Западный форпост» Выходит 1 раз месяц Тираж: 100 экз.
Ответственный за выпуск: Столяров Игорь Анатольевич Технический редактор: Погодин Сергей Валерьевич
Адрес редакции: 172527 Тверская обл., г.Нелидово, ул.Матросова, д.23, кв.23 e-mail: stolerov@yandex.ru
сайт газеты: forpost.nelidovo.edu.ru